

СОПЕРНИК И БРАТ УРАЛМАША

Большую помощь завод «Сибтяжмаш» оказал на первых шагах и в становлении Красноярского завода тяжелых экскаваторов, в изготовлении проектной документации и в специалистах, которые первыми с Сибтяжмаша пришли на завод тяжелых экскаваторов. То есть все, чем можно было помогать, сибтяжмашевцы бескорыстно помогали молодому коллективу. Что где-то будет строиться завод крупных экскаваторов, мы знали раньше. Это определялось и в материалах нашего координационного совета по КАТЭКу, научных конференций по развитию комплекса, это определялось и в разработках, в трудах Госплана СССР, то есть такой завод в стране просился, и он был нужен в основном для открытых разработок угля и для горных работ, а также большие потребности высказывали и страны Совета Экономической Взаимопомощи, в частности, такие драглайны нужны были для Польской Народной Республики, для Германской Демократической Республики, хотя в это время гдээрзовские роторные комплексы были уже высокопроизводительными, и часть экскаваторов из ГДР стала работать на угольных разрезах Советского Союза. Здесь речь шла о строительстве крупнейшего завода для всего социалистического лагеря.

В материалах наших конференций значилось, что прорабатывались варианты и высказывалась целесообразность строительства завода в районе Уфы, Омска или Назарово, в нашем крае. Специалисты все больше и больше склонялись, что, конечно, лучше завод строить ближе к районам угольных разработок и горных работ.

Госплановцы, широко не афишируя, такую проработку проводили: учитывалось и наличие строительных баз и возможностей строительных организаций, возможности существующих заводов тяжелого машиностроения. О Красноярском крае пока разговор не шел. Думаю, что в немалой степени помог нам определиться с заводом и случаяй, о котором хотелось рассказать подробнее.

Как-то в конце 70-х годов я возвращался из московской командировки самолетом Ил-18, сидел и заметил, что здесь же размещалась группа специалистов Госплана СССР. Лицо одного из них было знакомо, это же оказалось и ему, и через некоторое время он

сел рядом со мной, мы разговорились. Я припомнил, что это был Ходжаев, заместитель начальника отдела городов Госплана, который принимал участие в утверждении генерального плана Красноярска в 1971 году, в мою бытность еще председателем исполкома городского совета. Группа госплановцев летела для чтения лекций по материалам прошедшего недавно пленума Центрального Комитета по вопросам экономики, но наш разговор коснулся перспектив КАТЭКа, и Ходжаев, который тоже меня узнал, рассказал в ответ на мои вопросы относительно необходимости развития базы машиностроения для Канско-Ачинского комплекса.

— Знаете, а ведь, между прочим, уже ведется проработка размещения завода, возможно, в Уфе или Братске. Сейчас зам. министра тяжелого машиностроения Пятов находится в Братске и рассматривает вопрос, не поставить ли нам завод в Братске? Братскгэсстрой сейчас освобожден, у него есть мощности, возможности, и вот Пятов прорабатывает вопрос о размещении завода экскаваторов в Братске.

Ходжаев склонялся и к моим доводам, что Братск далеко, не центр горных разработок и, конечно, удобней было бы, чтобы это был Красноярский край, в том числе можно использовать площадку в Назарово или в Красноярске.

Прилетев через несколько часов и зайдя к Федирко, я рассказал о нашем разговоре в самолете и высказал соображение: «Павел Стефанович, если вы не против, я все-таки буду разыскивать Пятова в Братске и устанавливать с ним контакт. Это ненормально — в Братске строить. Надо размещать у нас». Мнение Федирко было такое же. Я позвонил в Братск: с Александром Николаевичем Семеновым, начальником Братскгэсстроя, будущим заместителем министра энергетики, мы были знакомы давно, и я спросил: «А где Владилен Петрович Пятов?» Он, видимо, заподозрил необычный интерес красноярцев к Пятову и говорит: «Он вечером поехал в депутатскую комнату Братского аэропорта и, наверно, улетел в Москву». Спустя несколько минут я разговаривал с аэропортом Братска и нашел Пятова, который ждал самолет на Москву.

— Владилен Петрович, дело в том, что есть необходимость, чтобы вы залетели в Красноярск.

Здесь я пошел на небольшую хитрость:

— На заводе Сибтяжмаш нужно бы разобрататься по ряду вопросов, и мы очень бы просили, чтобы вы из Братска, перед Москвой, залетели к нам. У нас есть необходимость с вами обменяться мнениями. Министр не возражает.

Владилен Петрович особенно не сопротивлялся, сказал «добро». Я встретил его в красноярском аэропорту и пригласил:

— Давай поедем в крайком партии.

— А на Сибтяжмаш?

— Знаешь что, с Сибтяжмашем мы тут сами уж до конца разберемся, там вопрос небольшой. А главный вопрос в том, что мы слышали о проработке вопроса по размещению завода тяжелых экскаваторов. Нам совершенно непонятно, зачем вы его от нагрузок куда-то пытаетесь увести в сторону. Целесообразно все-таки размещать завод у нас: есть площадки, есть возможности. Тебя ждет Павел Стефанович.

Когда состоялся разговор с Пятовым в кабинете первого секретаря крайкома, П. С. Федирко позвонил Александру Львовичу Мукоеду, рассказал ему о нашем замысле и поручил вместе с Пятовым сейчас выехать на площадку, посмотреть, встретиться с Абовским, начальником Главкраснояркстроя, а потом и у нас в крайкоме, еще раз.

Как словом, так и делом: сразу же мы выехали на площадку, посмотрели.

Надо сказать, что площадка и наши доводы на Пятова подействовали, он увидел, что возможности у красноярцев приступить к строительству большие. Мы были подготовлены: вблизи находилась база треста «Красноярскалюминстрой», рядом с площадкой в сотне метров шла асфальтовая дорога. Главкраснояркстрой был в это время недогружен и горел желанием вступить в большую работу. Одним словом, условия, о которых шел разговор, на подключение и на начало строительства завода Пятова устраивали. Он высказал мнение:

— Лично я не против. Как решит руководство министерства. Я свои доводы буду высказывать в поддержку строительства завода у вас.

В это время в министерстве за старшего находился первый заместитель министра тяжелого машиностроения Николай Иванович Рыжков. И Павел Стефанович связался с ним, тот высказал соображение:

— Ну, что же, если такие условия, как вы рассказываете и как Пятов увидел, то давайте будем тогда и определяться с вашей площадкой. Тем более что нам импонирует, что и Главкраснояркстрой, и краевые власти с желанием берутся за этот завод.

Так были приняты первичные решения о

заводе. Подобная оперативность в принятии решения, энергичность со стороны Николая Ивановича чувствовалась и дальше. Рыжков направил в ближайшие дни группу проектировщиков. Прилетел Версанкин Вячеслав Михайлович, Зуев — проектировщик, ведущий работы по Сибтяжмашу, директор филиала Уралгипротяжмаша.

Поехали на площадку. Мы остановились на дороге, впереди были сугробы, прямо на машине разложили схемы, планшеты и, несмотря на то, что был страшный мороз, Вячеслав Михайлович сориентировал в границах отвода: здесь будем ставить завод. На том, как говорят, и порешили.

Директор Уралгипротяжмаша Зуев, старший проектировщик с большим опытом, тут же внес предложение: «Надо создавать свой институт, Краснояргипротяжмаш, пускай сейчас будет на правах филиала Уралгипротяжмаша». И действительно, тут же, проезжая в центр города, высказали соображения, что наверно, под горой, ниже городского кладбища, напротив Дворца пионеров, поставить здание проектного института. В это время в объединение «Союзтяжмашпроект» входило семь проектных институтов, одному из них и было поручено проектировать Крастьжмаш, а другой институт вел работы по Абаканвагонмашу.

Вскоре прилетел и Николай Иванович Рыжков. Мы поехали с ним на площадку завода, он внимательно ознакомился, утвердился в решении, и потом уже, встретившись у Федирко, сообща приняли окончательное решение: будем осваивать эту площадку.

Я думаю, Николай Иванович Рыжков посоветовался и с зампредом Совмина Владимиром Николаевичем Новиковым. Одним словом, мнение наше укрепилось, стало относительно твердым и начались уже углубленные проектные проработки по красноярской площадке. Так начинались первые шаги по заводу тяжелых экскаваторов.

Как-то я был у Николая Ивановича Рыжкова через полгода, а может быть даже и позже, в Госплане СССР, — он в это время работал уже первым заместителем председателя Госплана, — Николай Иванович напомнил мне эти зимние дни, когда были на площадке, по-дружески обнял и говорит: «Леонид, мы с тобой крестники экскаваторного завода». Все это было шутя, по-доброму, но я думаю, что роль Рыжкова была, по сути дела, определяющей в выборе и размещении, и начале строительства этого гиганта тяжелого машиностроения.

Выбор площадки для такого крупнейшего экскаваторного завода, который предполагал производить мощные шагающие экскаваторы, перегружатели, всевозможные роторные комплексы, конечно, должен был быть прибли-

Выбор площадки строительства завода тяжелых экскаваторов. Н. Созинов, директор завода «Сибтяжмаш», А. Черкашин, первый директор завода тяжелых экскаваторов, Н. Рыжков — 1-й зам. министра тяжелого машиностроения, Л. Сизов

жен к центру горных разработок, там, где необходимо было использовать эту технику. И где, как не в Красноярском крае, богатом на природные ископаемые, необходимо эти разработки вести только машинным способом? Где еще так нужна мощная техника, техника для статьи тем задачам, которые стояли перед краем?

Как-то я подсчитал, что в нашем крае в год мы разрабатывали машинным способом уже около 300 миллионов кубометров грунта, породы, руды! Почти миллион в сутки! Эта цифра гигантская: голыми руками такой объем взять никто бы не смог, ни сейчас, ни в недалеком будущем, ни тем более в перспективе. Завод просился в край, в центр Сибири, и надо было его быстрее создавать. Кстати говоря, и в разделении труда на такие горные, роторные комплексы, драглайны была потребность большая и у стран СЭВ. И по международному разделению труда в странах СЭВ такой завод строился в нашей стране и, в частности, в нашем крае.

Первым директором был назначен заместитель главного инженера Сибтяжмаша Черкашин. Хороший инженер, человек скромный, трудолюбивый, порядочный. И он с первых дней окунулся в работу, связанную с организацией завода. Александр Григорьевич Черкашин вместе с руководством городского совета, УКСом, зампредом горсовета Иваном Иосифовичем Куклиным определял технические условия на проектирование. Естественно, городской совет преследовал и свои городские, коммунальные интересы. В частности, была точка привязки водопровода к заводу в таком месте, которое мы в генеральном плане проектировали через несколько десятков лет, — это водозабор Гремячего Лога, что повыше железнодорожного моста, совершенно новый район, который и предполагался для сооружения водозабора.

Нам нужен был большой инвестор, как сейчас говорят, нужно было большое предприятие, которое смогло бы потянуть такой водозабор. Протяженность его до завода свыше 30 километров. Иван Иосифович, конечно, смотрел далеко и преследовал цели улучшения водоснабжения Красноярска на несколько десятилетий вперед. Привязывалась труба около 80—90 сантиметров, крупный водовод с несколькими насосными станциями, с самым мощным водозабором в Гремячем Логу. Это было крупное сооружение. Вся эта привязка завода должна была нести и выгоды жителям города, улучшение коммунальных условий.

Честно говоря, привязывая предприятие к Красноярску, мы решали многие задачи: обеспечение рабочими местами, создание инженерного состава и, конечно, главный вопрос — это решение социальных вопросов, ибо без индустрии, без промышленности ничего бы не появлялось, никакого социальности.

Как-то секретарь Иркутского областного комитета партии Петр Мирошников задал мне вопрос: «Ну а зачем вам завод?» Мы ему и сказали: «Так вот потому, наверно, Иркутск отстает от коммунальных услуг, что вы к промышленности боком стоите, мы же преследуем цели, что развитие индустрии является громаднейшим градообразующим фактором и, несомненно, фактором, улучшающим социальные условия жителей города».

Заинтересованность в размещении завода и в развертывании работ имел Главкрасноярскстрой. Была большая загрузка и для строителей треста, в частности, начинал работу трест Аллюминстрой, использовалась широко база строительства алюминиевого завода и, в частности, заводостроительного комбината. Ну а строительство такого крупного завода предпо-

лагало и крупные вложения в развитие дальнейшей базы стройиндустрии и, в частности, развитие домостроительной базы. Владимир Петрович Абовский вместе с трестом «Оргтехстрой», с другими трестами продумывал вопросы, как ускорить проектирование завода, увязывая и с конкретными возможностями строительного главка. Значительно сокращалось время на проектирование завода и организацию работ на стройке. Одним из первых объектов была площадка под прием оборудования, потому что оборудование в скором времени пошло крупным потоком.

Первую сваю на экскаваторном заводе забивали в жаркий летний день, готовились к этому символическому началу строительства, к такому торжественному акту. Приехали на первую сваю и гости из центра и красноярская общественность. Городское и краевое начальство с участием первого заместителя председателя правительства, который вел машиностроение, — Владимиром Николаевичем Новиковым.

На площадке развернулась поистине гигантская битва строителей за создание завода. На стройке день и ночь гудела техника, велись земляные работы, строительство фундаментов, шел в три смены монтаж металлоконструкций и многое другое.

На экскаваторном заводе пришлось выполнять очень большой объем земляных работ — свыше 21 миллиона кубометров. Вначале даже не предполагался такой объем, но по отметкам надо было углубляться. И вот такую колоссальную работу провел наш трест строительной механизации.

Начали строить корпус вспомогательных цехов, приступали к строительству корпуса нестандартизированного оборудования, на

повестке стояла стройка механосборочного, кузнечного, литейного цехов. Разворачивалась уникальная, крупнейшая в стране стройка. Да такой завод под стать был и мировому.

Завод по решению правительства определялся в производство свыше 300 тысяч тонн механоизделий в год. Это было даже больше Уралмаша, но, несомненно, построить у нас завод, подобный легендарному Уралмашу, известному в мире, конечно, такая цель рождала и большой энтузиазм, и большую энергию. Завод должен был привязываться к крупному городу.

Строительство определялось поочередно: первая очередь начала осуществляться с 1979 года. Мощность этой очереди по выпуску экскаваторов и других механоизделий составляла более 140 тысяч тонн в год. А сметная стоимость затрат промышленного строительства этой очереди составляла около миллиарда. В том исчислении, по сравнению с современными это несоизмеримые суммы.

На конец 1989 года мощности обеспечивали производство карьерных 15-кубовых экскаваторов ЭКГ-15 — 60 штук и шагающих экскаваторов ЭША-40-85 — 8 штук. Мы должны были готовить производство и под роторные комплексы производительностью более 5250 кубометров в час, это колоссальные, крупнейшие в стране комплексы. Но не были введены мощности по изготовлению металлургических заготовок — отставало производство. Сложности были, конечно, в отсутствии средств. Хотя заказчик, Минтяжмаш, частенько упрекал строителей, но главное — не хватало денег.

Из объектов в первую очередь были введены корпус стального литья, частично введены корпус сварных машиностроительных конструкций, а также механосборочный цех № 1,

корпус нестандартизированного оборудования, вспомогательных цехов, корпус подготовки материалов литейного производства и ряд других.

Чтобы судить об объемах, площадях, объектах первой очереди, достаточно сказать, что общая площадь зданий объектов первой очереди завода занимала под крышей 830 тысяч квадратных метров! Вот такой внушительный объект.

Технико-экономическое обоснование строительства второй очереди завода было разработано в 1987 году на основании постановления правительства. Но... Госплан СССР не согласовал это ТЭО. В этих условиях, до утверждения ТЭО, строительство второй очереди разрабатывалось проектами трех производственных комплексов. Речь шла о дооснащении корпуса стального литья, а также дооснащении корпуса нестандартизированного оборудования и проекте производственного комплекса по выпуску товаров народного потребления. А руководство министерства вынашивало и соображение о продолжении строительства после экскаваторного завода крупнейшего завода металлургического оборудования, в котором испытывался большой дефицит металлургов страны.

Ощущалась большая потребность в производстве прокатных станков, клетей, прокатных валков и др. Как-то, уже спустя определенное время, на совещании у Вениамина Эммануиловича Дымшица, заместителя председателя правительства, Николай Иванович Рыжков, как уже первый зампред Госплана СССР (перед этим я к нему зашел в Госплан, и вместе мы поехали на совещание к Дымшицу) посвятил меня в свои планы дальнейшего развития этой площадки и размещения второго крупнейшего, под стать экскаваторному, завода металлургического оборудования. Он взял листик бумаги и нарисовал график, что к моменту, когда мы построим экскаваторный завод, начнем сокращать объемы строительно-монтажных работ, к этому времени предполагалось наращивание пика уже на строительстве другого соседнего завода по производству прокатных станков — крупной техники для металлургов. И таким образом не допустить сокращения строительных работ, сохранить рабочие кадры, мобильность, механизмы, коллективы и сохранить темпы по строительству второго завода.

Несомненно, с этим заводом Красноярск становился крупнейшим союзным центром тяжелого машиностроения. Слов нет, мощности этих заводов позволяли делать все что угодно: продукцию горную, металлургическую, а также и другую машиностроительную, включая и громаднейшую, колоссальную гам-

Первая свая на строительстве завода тяжелых экскаваторов

му изделий для быта и кончая любым спецзаказом.

Все самое современное — и в оборудовании, и в технологических новинках, и в достижениях современной науки, машиноведения, металлургии — все это закладывалось в проектное решение завода.

Я вспоминаю, как закупали токарно-карусельный станок производства Румынии. Этот станок с десятиметровой план-шайбой позволял обрабатывать детали диаметром 16 метров. Настоящий завод, который позволял делать любое изделие. Шли также поставки и лучших образцов мировой техники.

Чтобы смонтировать этот станок, монтажники пускаладоочного управления треста «Сибтехмонтаж» во главе с главным инженером Александром Ивановичем Моисеевым должны были чуть ли не полгода учиться в Румынии, чтобы изучить детали, провести контрольную сборку. Только потом этот станок был перевезен к нам, и здесь произведен сложный монтаж в первом механосборочном цехе.

Создаваемый завод, несомненно, был одним из самых крупных в крае. Достаточно сказать, что проектировщики говорили, что под крышей будет производственных площадей около миллиона квадратных метров. И Главкрасноярскстрой, начальник главка В. П. Абовский, вдумчиво и серьезно относился к проработке вопросов организации

В память о начале строительства завода тяжелых экскаваторов. В центре первый заместитель Председателя Совета Министров СССР В. Н. Новиков

На митинге. Выступает бригадир треста «Алюминстрой» Михаил Михайлович Малыхин. Слева направо: К. Я. Юрчук, В. В. Плисов, А. Г. Черкашин

производства работ, увязки проекта с возможностями и с номенклатурой выпускаемых изделий на стройбазах главка и к введению сил и техники.

Первоначально работы выполнял трест Алюминстрой, затем было создано объединение Экскаватортяжстрой, которое возглавлял Николай Афанасьевич Шкурин, а затем Иван Абрамович Саенко, он был уже в ранге зам. начальника главка. Строительством завода руководили опытные специалисты Владимир Петрович Болбат, Валерий Петрович Кругликов и ряд других известных руководителей.

Конечно, все силы главка, во главе с руководителями трестов, их управляющими занимались стройкой завода. К строительству завода было приковано внимание строительных отделов краевого, городского комитетов партии, райкомов. Здесь часто бывали секретари краевого комитета партии Шенин, Плисов, ответственные за строительство, заведующие отделом Чеботаревич и Юрчик.

Владислав Григорьевич Юрчик занимался вопросами завода, часто проводил штабы, принимал участие в планерках. На строительстве часто бывал заместитель министра Минтяжстроя Петр Петрович Сельский и руководители министерств других ведомств. И в первую очередь Минтяжмаша. Ставилась задача создания машиностроительного гиганта в сжатые сроки, с высоким качеством строительных работ. Вся технология разрабатывалась с учетом последних достижений мировой техники и отечественного машиностроения.

Главкрасноярскстрой вносил новинки в организацию строительства, в частности, была поставлена задача, которую строители подержали: ни одного сырого процесса в отделке зданий, конструкции и детали поступали с большой заводской готовностью. Многие цеха

выполнялись в металлоконструкциях с учетом горячего производства и больших нагрузок.

И когда в первые месяцы, годы на стройплощадку можно было взглянуть с возвышенности, то это был лес металла или плотная густая сетка металлоконструкций. Проводился монтаж крупными блоками, спаренными подъемными средствами. В изготовлении железобетонных конструкций всемерно применялись современные пластификаторы, что давало большую прочность и товарный вид железобетонным конструкциям, что уже потом не требовало дальнейшей доделки. Новые материалы, всевозможные добавки. Искались пути для сокращения времени строительства и так далее. Главк широко вел работы и по буронабивным сваям. К сожалению, тут были упущения. Спустя какое-то время, внимательно анализируя, надо сказать, что в этом темпе могли допускаться и недостатки в качестве работ, что потом было вскрыто на ряде строительных объектов.

Нам стало известно, что на заводе атомного машиностроения в Волгодонске были допущены нарушения в строительстве фундаментов под колонной цеха, и Центральный Комитет партии и правительство приняли даже специальное решение, где очень резко оценили качество строительных работ и призвали к ответу тех, кто был повинен — и минтяжмашевцы вместе со строителями. В Волгодонске был смонтирован уникальный кран, крупнейший в мире, подъемом 1200 тонн, два спаренных 600-тонных крана могли поднимать изделие в 1200 тонн крупногабаритных грузов машиностроителей атомной энергетики. Одна только колонна под таким краном имела полку шириной в 8 метров, это были колоссальные строительные конструкции.

Но после того, как произошла просадка

Корпус механосборочных цехов

под крановыми путями, строители, проектировщики самым серьезным образом стали смотреть, не допускаются ли недостатки в строительстве красноярского экскаваторного завода. Были сделаны замечания, отмечены недостатки в строительстве фундаментов также и у нас, в частности, по буронабивным сваям, стали уплотнять, проводить дополнительное укрепление грунтов, ряд других строительных работ. Продолжался монтаж следующих цехов.

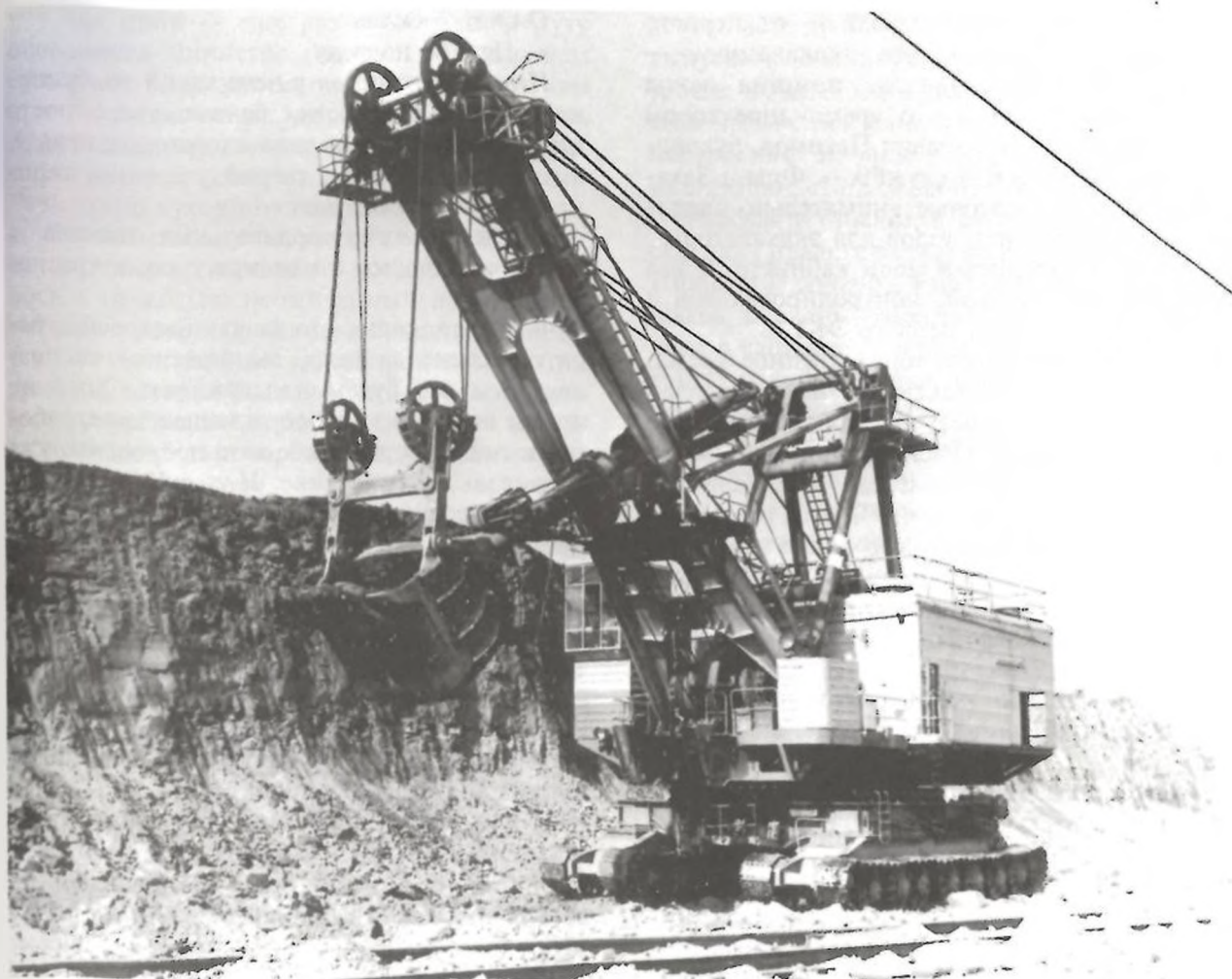
С учетом объемов работ и с тем, что завод уже приближался к выпуску продукции — возник вопрос об укреплении руководства заводом. Мы посоветовались в крайкоме на своем секретариате и решили, что было бы целесообразно Бориса Акимовича Егорова с «Абаканвагонмаша» перебросить все-таки сюда. Я пригласил Егорова, побеседовали, ему и хотелось идти на завод, и в то же время рос «Абаканвагонмаш»: он там вложил много сил, энергии и своего творчества, да и дело уже там налаживалось. Егоров хотя и хотел попробовать силы на экскаваторном заводе, но, как говорят, особо не рвался. Но так получилось, что времени ему на раздумье не давали, он прилетел утром в Красноярск из Абакана, а вечером мы с ним уже летели в Москву, принимать участие в совещании у первого заместителя министра Рафаэля Николаевича Арутюнова, где уже в это время был подготовлен приказ о назначении Егорова директором экскаваторного завода.

Егоров, несомненно, обладал большими организаторскими способностями, ответственностью за дело. Надо сказать, что человек переживал за состояние дел, болел за производство, отдавал много сил и энергии заводу. Все эти сложности становления коллектива и наращивания объемов в значительной мере легли на плечи Егорова и его товарищей.

Колоссальная работа была проведена по технологии производства, заказывалось уникальное, именниковое оборудование. Шло оборудование, какого на ряде заводов и не было. Много оборудования закупалось за границей, в странах СЭВ и других.

Проводилась большая работа по формированию коллектива и созданию социально-бытовых условий. Руководством края, города вместе с министерством было принято решение о создании соцгородка, который получил потом название Солнечного, там, где сейчас раскинута несколько больших микрорайонов. Ну, а чтобы связать завод с поселком, была пущена электричка. Кстати, мы сразу просили проектировщиков так делать электричку, чтобы она входила в габариты метро, ибо в дальнейшем предполагали, чтобы метро связало завод экскаваторов и соцгородок с центром города. Строительство велось комплексно, и должны были быть все необходимые социальные условия для тружеников завода. В этом отношении большое участие принимал Павел Стефанович Федирко.

Создание базы тяжелого машиностроения

Первый красноярский экскаватор ЭКГ-12,5

в крас, конечно, влекло за собой большое развитие социальной инфраструктуры, под эти заводы создавались города, строилось жилье, улучшались коммунальные условия, прокладывались новые дороги и транспортные коммуникации, строились культурные сооружения, несомненно, прирастали они индустрией города. И неправду скажет тот, кто предполагает, что без развития промышленности можно построить города; ничего не строится там, где не воздвигаются предприятия, заводы — там замирает жизнь.

И все-таки, все-таки министерство насыщало предприятия машиностроения наш город и наряду с тем, что это открывало и новые рабочие места и увеличивало колоссально соцкультбытовое строительство, все-таки иногда появлялись беспокойные мысли: «А не многовато ли вот такой концентрации тяжелой индустрии, тяжелого машиностроения?» Побеждало убеждение, что это оправданно: центр страны, центр Сибири, где богатства края, Восточной и Западной Сибири могли быть взяты только машинной техникой. Это, конечно, предполагало развитие машиностроительной базы.

Но возникали вопросы, да и не только вопросы, о таком же пропорциональном развитии пищевой промышленности, сферы обслуживания и других социально-бытовых предприятий для решения социально-бытовых нужд трудящихся, недопущения разрыва.

Под строительство экскаваторного завода мы уже смогли построить новый мост через Енисей, осуществить проведение больших водопроводных и канализационных, теплофикационных сетей в городе, проектировали строительство метрополитена и другое, все это, конечно, несло социальные блага.

Приближалось время, когда мы могли бы уже в одном из пролетов начинать пробную сборку первого экскаватора ЭКГ-12,5, который снимался с производства знаменитого Ижорского ленинградского завода и передавался нам. К этому коллектив, инженерные службы готовились. Сама уже передача ЭКГ говорила о новом классе техники, техники высокопроизводительной. Да и авторство Ижорского завода говорило уже об уровне этого изделия. Мы начали делать первые части. Я должен повторить, что на всем протя-

жении формирования завода — от первого колышка до производства экскаваторов — над заводом шефствовал, помогал завод «Сибтяжмаш», где в это время директором был Геннадий Дмитриевич Пахомов, руководителем технической службы — Франц Захарович Даудиш, которые внимательно следили за изготовлением узлов для экскаватора.

Часто собирались в моем кабинете. Я вел шефство над сборкой, контролировал ход и изготовление частей первого ЭКГ.

Наконец наступило торжественное время, когда наш первый экскаватор был направлен в Бородинский разрез. И хотя не все было ладно, но первый красноярский экскаватор начал работать в этом разрезе. Мы стали выпускать эту технику сами. Я уже говорил о большом вкладе Егорова в создание завода, но так случилось, что в ходе работы Егоров допустил ряд недостатков в работе. Было возбуждено уголовное дело, он был освобожден от работы.

И хотя это дело, похоже, было шито белыми нитками, вмешиваться в следствие не могли.

Сам Егоров много переживал, как он рассказывал, изучил все кодексы. Он прошел суровую контрольную проверку, обращался к секретарю крайкома партии Олегу Семеновичу Шенину, который курировал правоохранительные органы. Где-то были высказаны замечания в адрес прокуратуры. Но видимо, своевременно все-таки Егорову помочь не смогли...

На завод пришло новое руководство. Надо было укреплять инженерную службу, и главным инженером завода министерство направило к нам Румянцева, начальника одного из крупных корпусов Уралмаша, чтобы мы познакомились и высказали свое мнение. Нужен был главный инженер завода, хорошо знающий производство, желательнее из тяжмашевского машиностроения. Опытный, растущий, молодой. Мы об этом говорили и с Николаем Ивановичем Рыжковым, и с кадровиками Минтяжмаша, называлось имя и секретаря парткома Уралмаша, но его прочили на московскую работу. Наконец заместитель министра по кадрам Боев позвонил как-то и сказал, что предлагают Румянцева. Он приехал к нам, в крайкоме встретились у меня. Румянцев был уже маститым уралмашевцем. Я спросил будущего главного инженера завода:

— Ну а сами-то, как у вас настроение? Вы видели наш экскаваторный завод, есть желание работать у нас?

Он честно ответил:

— Хочу.

— Крупный завод, хотелось бы, чтобы руководители не менялись часто. Не подведете?

Он четко сказал:

— Нет, не подведу.

Я не почувствовал у него какой-то излишней самонадеянности, бахвальства, просто мне показалось, что человек говорил правду, и говорил он об этом твердо, уверенно, понимал, на какое дело шел.

После таких утвердительных ответов я обычно относился к кандидату как к красноярцу

— Ну и хорошо, что вы так настроены, беритесь смело за дело, вы опытный специалист, мы вас будем поддерживать. Хорошо, что вы беретесь за работу в нашем крае, работайте смело! Берите себе и то доброе, что уже появилось в коллективе. Нам в Красноярске специалисты нужны. Желаем успеха и надемся на вас. Люди у нас хорошие, работайте без оглядки, думайте больше о людях, условиях их работы, заинтересованности их в производительном труде, вы опытный человек.

Румянцев нас не подвел. Показал себя большим специалистом, лез смело в стройку, имел со строителями хорошие контакты. Я иногда спрашивал строителей, руководителей трестов: «Ну, как Румянцев?»

О нем говорили больше, чем о директоре завода, ибо он умел слушать, умел вникать, умел принять решение, умел брать на себя ответственность. Его авторитет набирал силу. Затем мы поставили его, со временем, директором завода.

Работая уже в Москве, узнал страшную новость: жизнь Румянцева трагически оборвалась. Он погиб в автомобильной аварии. Такие люди, как он, укрепляли наш директорский корпус, могли расти и становиться крупными руководителями в крае, мы нуждались в таких людях. Было очень жаль, что мы его потеряли, потеряли в расцвете творческих сил.

В середине 80-х годов, особенно с приходом в руководство Минтяжмаша министра Сергея Александровича Афанасьева, мы серьезно активизировали работу по товарам народного потребления и прямо говорили: «Такой громаднейший завод, но нас одними экскаваторами не накормишь, надо думать о серьезном производстве товаров народного потребления, под стать мощности этого гиганта».

Сергей Александрович, с присущей ему хваткой оборонного министра, мыслил более крупно в вопросах производства товаров народного потребления. По моей просьбе он собрал большое совещание по заводу, и в частности по товарам народного потребления. Вопрос о производстве кухонного комбайна по приобретенной лицензии в Германской Демократической Республике решался категорично — разговор был острый и Сергей Александрович

вич под стать — еще раз оговорюсь — духу оборонного министра говорил: «Нельзя нам срамиться, надо заниматься не какими-то там штучками-дрючками, нам надо делать товары, делать солидную, симпатичную машину, которая имела бы сбыт на долгие, долгие годы!» Речь шла о кухонном комбайне.

К сожалению, утверждение этого комплекса по товарам народного потребления уперлось в несколько неожиданный вопрос, связанный с новой проблемой создания мощностей по изготовлению микропроцессорных устройств, которые должны быть, согласно приказу министра, созданы в рамках этого проекта производства товаров народного потребления. К сожалению, затягивалось время, и только в 1989 году, по проекту Уралгипротяжмаша был разработан проект, который подлежал утверждению на выпуск 250 тысяч штук универсальных кухонных машин.

В то время я уже не располагал информацией. Это уже была забота других товарищей. Я лично не сомневаюсь, что мы бы, конечно,

довели дело до конца и заставили такой завод выпускать очень дефицитную машину на уровне не хуже импортных. Министр Афанасьев пришел из министерства общего машиностроения и вносил элементы культуры именно под стать оборонным министерствам.

Работая в Москве, я слышал не раз на заседаниях правительства, да и на совещаниях у Николая Ивановича Рыжкова, когда он, обращаясь к своим заместителям, присутствующим в кабинете, говорил с гордостью: «Смотрите, какой все-таки завод у нас создан, как он набирает силу».

Хотя потом, со временем, когда у нас не все шло гладко, Николай Иванович Рыжков говорил: «Надо завод доводить до ума, доводить и по качеству продукции, и по выполнению государственного плана. Такой завод надо растить, надо его и беречь, надо его и формировать».

Конечно, в этом отношении председатель правительства был прав.